

03
11-18

Шоква

10
2009

АЛЛА ПРОКОФЬЕВА

ОРЕНБУРГСКИЕ ЗНАКОМЫЕ Н.В. ГОГОЛЯ

Алла Георгиевна Прокофьева родилась в Оренбурге. Окончила педагогический институт им. В.П. Чкалова, аспирантуру и докторантуру РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург). В настоящее время — профессор кафедры русской классической литературы, заведующая литературно-краеведческой научно-исследовательской лабораторией.

Автор более 130 научных работ и более десятка книг о В.И. Дале. Отличник просвещения РСФСР. Заслуженный работник высшей школы РФ.

Лауреат Всероссийской литературной Пушкинской премии «Капитанская дочка» (2003 год). Председатель областного Пушкинского общества.

Член Союза писателей России.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Оренбуржцы могут гордиться тем, что их край посетили многие писатели-классики: А.С. Пушкин, С.Т. Аксаков, В.И. Даль, В.А. Жуковский, А.К. Толстой, А.Н. Плещеев, Л.Н. Толстой и др. Многие из них создали произведения об Оренбургском крае.

К сожалению, Н.В. Гоголь в Оренбурге не бывал и не писал об Оренбургском крае, но он был знаком с некоторыми оренбуржцами.

Известно, что одним из гимназических друзей Гоголя был поэт и педагог Николай Яковлевич Прокопович (1810–1857), уроженец Оренбурга. Отец Прокоповича был военным, занимал довольно значительную должность в Оренбурге — он был управляющим Оренбургской пограничной таможней. Выйдя в отставку, он в 1820 году переехал с двумя сыновьями в Нежин.

Во время обучения в Нежинской гимназии вокруг Гоголя составила компания друзей: Саша Данилевский, Константин Базили, сын греческого эмигранта, и Николай Прокопович. Известно, что они вместе читали стихи, спорили, с увлечением переписывали стихи Пушкина и Рыльева, участвовали в гимназических спектаклях. В складчину друзья организовали библиотеку, выписывали из Москвы и Петербурга журналы «Сын отечества», «Московский телеграф», пробовали сами заняться издательской деятельностью. Так появились рукописные журналы «Метеор литературы», «Звезда», «Северная заря», «Литературное эхо», альманах «Литературный промежуток, составленный в один день + 1/2 Николаем Прокоповичем». В 1826 году Прокопович был исключен из гимназии со вторым другом Гоголя — А.Данилевским и однокашником П.Мартосом за чтение «неприличных их возрасту книг» и сочинение стихов, «не показывающих чистой нравственности», но благодаря хлопотам отца, в то время уездного

предводителя дворянства, ему удалось окончить гимназию. В 1829 году Прокопович переехал в Петербург и первое время жил на одной квартире с Гоголем. Он окончил Петербургское театральное училище, но с 1836 года и до конца жизни служил преподавателем словесности в 1-м кадетском корпусе. С середины 30-х годов Прокопович занимался подготовкой к изданию сочинений Н.В. Гоголя, издал комедию «Ревизор» (1836), редактировал первое прижизненное собрание сочинений Гоголя в 4 томах. Надо отметить, что Гоголь наделил Прокоповича неограниченными правами в правке своих произведений. Любопытен факт: именно на квартире Прокоповича в начале января 1842 года состоялось тайное свидание Н.В. Гоголя с приехавшим в Москву В.Г. Белинским (Гоголь не хотел, чтобы об этом узнали московские писатели); во время этой встречи писатель просил критика захватить рукопись «Мертвых душ» для издания в Петербурге.

Сам Прокопович тоже не лишен был литературного дара, в основном писал сказки и романтические баллады.

В.А. Перовского оренбуржцем можно назвать условно. Он не был уроженцем оренбургских мест, но дважды в течение пятнадцати лет был военным губернатором Оренбургского края и очень многое сделал для него.

Перовский принадлежал к семье, которая оставила значительный след в русской литературе. Алексей Перовский (литературный псевдоним — Антоний Погорельский), родной брат В.А. Перовского, известен как прозаик, автор сказки «Черная курица, или Подземные жители», романа «Монастырка», книги «Двойник». Литературоведы считают, что сказочно-фантастическая повесть А.Погорельского «Лафертовская маковница» (издателем был А.Ф. Воейков) предвляла прозу А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя.

А.К. Толстой, поэт, многие стихи которого положены на музыку (романсы П.И. Чайковского, Н.А. Римского-Корсакова, М.П. Мусоргского, А.Г. Рубинштейна и др.), драматург, прозаик, автор «Князя Серебряного», сатирической «Истории государства Российского от Гостомысла до Тимашева», — племянник В.Перовского, сын сестры Анны. Одно из первых произведений начинающего писателя — очерк «Два дня в киргизской степи» — было написано под впечатлением поездки А.К. Толстого в Оренбургский край, к своему заболевшему дяде В.А. Перовскому.

Племянниками В.Перовского (детьми сестры Ольги) были братья Жемчужниковы, вместе с А.К. Толстым они создали комическую литературную маску Козьмы Пруткова, афоризмы которого известны каждому русскому человеку. Один из братьев Жемчужниковых — Александр служил у дяди в Оренбурге во второй период губернаторства Перовского и оставил в памяти оренбуржцев большое количество шуток, комических ситуаций, нашедших отражение в воспоминаниях старожилов.

Близким другом В.Перовского был знаменитый поэт В.А. Жуковский. Их переписка представляет собой удивительный документ человеческих отношений, трогательной дружбы, длившейся более тридцати лет. Жуковский оставался преданным другом Перовского до конца своей жизни и, «уже будучи почти слепым, написал ему ощупью, по подкладываемой под руку линейке, письмо из Бадена, полное любви и заботы о своем далеком друге». Письмо это (март 1851 г.) было последним письмом Жуковского. Письма Жуковского были сохранены приехавшими к умирающему в Крыму В.Перовскому его братом Борисом и графиней А.А. Толстой, теткой Л.Н. Толстого.

Следует отметить несомненный литературный дар у самого В.Перовского, чьи записки о пребывании в

плени у французов были напечатаны П.И. Бартеневым. Письма из Италии В.А. Перовского поэту В.А. Жуковскому последний опубликовал без ведома автора, высоко оценив их литературную значимость.

В Хивинском походе вместе с В.Перовским были писатели В.Даль, Е.Ковалевский, ученые А.Леман, Н.Ханыков и др. В период второго губернаторства в Оренбургском крае служебные отношения связывали В.Перовского с писателями М.Л. Михайловым, сосланным в Оренбуржье А.Н. Плещеевым. Личность Перовского привлекала художников (К. и А. Брюлловых, О.А. Кипренского, А.Ф. Чернышева и др.), волновала воображение писателей. Об этом свидетельствует, например, переписка А.А. Толстой с Л.Н. Толстым, просившим разрешения познакомиться с личным архивом умершего Перовского. Очевидно, результатом этого знакомства явились некоторые страницы романа «Война и мир», например о Пьере Безухове в плену (по запискам Перовского, находившегося в плену у французов). Перовский как оренбургский губернатор упоминается в повести Л.Н. Толстого «За что?», в рассказах В.И. Даля, в повести С.И. Гусева-Оренбургского «Страна отцов», в книге В.П. Правдухина «По излучинам Урала» и в других произведениях. О войне 1812 года и В.Перовском написан роман Г.П. Данилевского «Сожженная Москва».

Современник А.С. Пушкина, примечательная фигура российской действительности первой половины XIX века, В.А. Перовский интересен не только как исторический деятель, но и как личность с удивительно ярко выраженными человеческими достоинствами.

Его имя упоминается во многих письмах Н.В. Гоголя к П.А. Вяземскому, П.А. Плетневу и другим, где подчеркиваются «добрая душа» Перовского и «доброе расположение» его к Гоголю.

Судя по письму Н.В. Гоголя к А.О. Россету, брату А.О. Смирновой-Россет, писателю важно было мнение Перовского о его книге «Выбранные места из переписки с друзьями»: «Попросите у Василия Алексеевича Перовского (которому передайте самый душевный мой поклон) написать пять-шесть его собственных строчек. Скажите ему, что его замечания мне будут очень полезны и я ими весьма дорожу».

Сохранилось и письмо Н.В. Гоголя к самому В.А. Перовскому (Франкфурт, 20 апреля 1844 г.), полное размышлений о проблемах воспитания сына Перовского:

«Я к вам давно хотел писать по поводу Алеши. Об этом верно сказал Аркадий Осипович Россет. Хотел писать к вам именно тогда, когда вы думали отправить его за границу, не оставляя этого намерения даже и тогда, когда ему сделалось лучше и когда вы решились оставить его в Петербурге. Но всякий раз приходил в затруднение исполнить, видя, что потребны слишком умные и долгие разговоры и, не будучи уверен в себе, могу ли я представить ясно и убедительно другому то, в чем уже убежден сам.

Теперь решился, понуждаемый уже другим побуждением, сказать вам хотя главное дело прямо в двух словах, откладывая всякое объяснение на после. Позаботьтесь о душевном, а не о телесном здоровье Алеши. Это ему слишком нужно. Переговорите с каким-нибудь умным и опытным священником, который бы был притом истинно христианской жизни, хоть, например, с Павским. Много есть таких глубоких тайн в душе человека, которых мы не только не подозреваем, но не хотим подумать, что и подозревать их надобно. Как бы ни был бесчувствен человек, как бы ни усыплена была его природа, в две минуты может совершиться его пробуждение. Нельзя даже ручаться в том, чтобы развратнейший, презреннейший и

порочнейший из нас не сделался лучше и святее всех нас, хотя бы пробуждение случилось с ним за несколько дней до смерти. А потому, если вы предадитесь безнадежности или же отчаянью насчет Алеши, то грех будет сильнее всех грехов. Но довольно. Я знаю, что мне следует поговорить с вами о многом, и даже о вас самих. Во время говенья со мной случилось одно душевное явление, имевшее прямо отношение к вам. Вот уже два раза вы входите ко мне во время моего говения. Помните ли в Риме, когда вы нечаянно попали в переднюю церкви, где собраны были все исповедовавшиеся, в числе которых был я, и когда подошел я к вам просить, по христианскому обычаю, прощения, а вы в ответ на то благословили меня? Это было сделано хладнокровно и в шутку, но я заставил вас во второй раз благословить меня таким же самым образом и внутренне молился, чтоб эти благословенья обратились в истинные и чтоб вам случилось два раза в жизни благословить меня истинно. Теперь во время говенья моего в Дармштадте... но об этом мне не следует говорить. Впрочем, дело не о каких-либо видимых символах, а о внутренних душевных явлениях. В душе моей загорелось сильное желанье знать о вас, это не бывает даром. Я послал запрос о вас к Александре Осиповне в Париж. Ради бога, напишите мне хотя в немногих словах о душевном состоянии как Алеши, так и о вашем собственном. Это мне очень нужно.

Весь ваш, без всяких светских условий, кроме одних душевных,

Гоголь.

Жуковский теперь утверждает, что в Франкфурте, и я с ним. Как бы было хорошо, если бы вы приехали сюда на два дня или на три месяца вместе с Алексеей. Прожить нам всем вместе будет теперь слишком нужно. Душевный голос говорит мне, что мне удастся вам сделать какую-

то услугу. Письмо адресуйте во Франкфурт на имя Жуковского. Его еще нет, но через две недели он переезжает» (ПСС. М., 1937–1952. Т. 12. С. 291–293).

Говоря о дружеских связях оренбуржцев с Н.В. Гоголем, нельзя не сказать о семье Аксаковых. С.Т. Аксаков родился в Уфе, но детство, молодые годы провел в имении Аксаково Оренбургской губернии, где родились его сыновья — поэты К.Аксаков и И.Аксаков.

Летом 1832 года в семью Аксаковых, живших в то время в Москве, Н.В. Гоголя привел Погодин. Казалось бы, это знакомство переросло в дружбу. В семье Аксаковых преклонялись перед Гоголем, каждое его появление становилось событием, каждое очередное произведение бурно обсуждалось. С.Т. Аксаков высоко ценил талант Гоголя. Известно письмо его к Надеждину: «Скажи Гоголю, если он не совсем забыл меня, что я от него без ума и что “Старосветских помещиков” предпочитаю даже “Тарасу”, хоть многими местами в нем истинно очарован. Но к черту гофманщину: он писатель действительности, а не фантазмагории».

Историю своих отношений с Гоголем С.Т. Аксаков изложил в воспоминаниях «История моего знакомства с Гоголем», где отмечал и некоторые сложности в их общении, связанные, по его мнению, с недостаточной искренностью, откровенностью Гоголя. Очевидно, это объяснялось особым, непривычным для Гоголя укладом семьи Аксаковых. Вот как написал об этих отношениях сам Гоголь в 1847 году в письме А.О. Смирновой-Россет: «Хотя я очень уважал старика и добрую жену его за их доброту, любил их сына Константина за его юношеское увлечение, рожденное от чистого источника, несмотря на неумеренное, излишнее выражение его, но я всегда, однако ж, держал себя вдали от

них. Бывая у них, я почти никогда не говорил ничего о себе; я старался даже вообще сколько можно меньше говорить и высказывать в себе такие качества, которыми бы мог привязать их к себе. Я видел с самого начала, что они способны залюбить не на живот, а на смерть... Словом, я бежал от их любви, ощущая в ней что-то приторное...» (ПСС. Т. 13. С. 313)

По-разному сложились отношения Гоголя с сыновьями С.Т. Аксакова. Во многом не совпадали взгляды Гоголя и Константина Аксакова. Гоголь довольно резко отозвался о диссертации К.Аксакова, посвященной Ломоносову, был недоволен его брошюрой о «Мертвых душах», где искажался смысл произведения. «Выбранные места из переписки с друзьями» К.Аксаков и его отец восприняли как неудачу Гоголя. С.Т. Аксаков хотел видеть в Гоголе прежде всего художника, а не проповедника, и в этом мнении он был близок к В.Г. Белинскому, высмеявшему проповеднический тон книги Гоголя. И в письме от 28 августа 1847 года Гоголь в какой-то мере соглашается с С.Т. Аксаковым в том, что его книга «опрометчива», нанесла ему «поражение» («...она меня покрыла позором, по словам Вашим...»).

Совершенно другое впечатление произвела книга на Ивана Аксакова, написавшего письмо отцу и брату 1 января 1847 года: «Книгу Гоголя надо читать не раз и не два, а 20 тысяч раз! Я примирился с ним вполне и вижу, что все взводимое на него — вздор и что не погиб он

для нас как юмористический писатель. Откинем всякий ложный стыд, мешающий нам поклоняться тому, во что веруем, и говорить тем языком, которым невольно заговорит душа, когда проникнется серьезным значением жизни, когда все станет в ней важно и торжественно. Гоголь прав и является в этой книге как идеал художника-христианина, которого не поймет Запад так же, как не поймет этой книги. Что за язык, господи боже мой, что за язык! Упиваться можно этим языком, лучше всяких стихов. Seriously надо взглянуть на эту книгу. Она способна пересоздать многих» (Аксаков И.С. Письма к родным. М., 1988. С. 342).

Это мнение сына Ивана поразило С.Т. Аксакова не менее, чем книга Гоголя.

Следует отметить, что сразу же после смерти Гоголя С.Т. Аксаков опубликовал в «Московских ведомостях» открытое «Письмо к друзьям Гоголя», где раскисался в той критике, которой подвергал многие страницы «Выбранных мест из переписки с друзьями», в «неумеренности порицаний», и предлагал поверить в искренность нравственных и религиозных убеждений Гоголя. Через год после смерти Гоголя С.Т. Аксаков напечатал статью «Несколько слов о биографии Гоголя», где еще раз подтвердил свою новую точку зрения на произведения Николая Васильевича.

Таковы были встречи Н.В. Гоголя с оренбуржцами, сыгравшими определенную роль в жизненном и творческом пути великого писателя.